**ӘЛЕУМЕТТІК ЖӘНЕ ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР**
**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**
**SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

CENTRAL ASIAN SCIENTIFIC JOURNAL
ISSN 3135-3061
2026. №4 (32), Том 3. С. 187–191
DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.24622425
Сайт журнала: https://cajournal.kz

**УДК 316.346.2-055.2:364.63**

# ҰЯТ КАК ФОРМА СИМВОЛИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ: АНАЛИЗ БАРЬЕРОВ ОБРАЩЕНИЯ ЖЕНЩИН ЗА ПОМОЩЬЮ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ П. БУРДЬЕ

***К.А. Ионова***
Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

**Ионова Карина Андреевна** — магистрант 2 курса, образовательная программа «Социальная работа», Университет Нархоз, Алматы, Казахстан.

**Научный руководитель:** Мустафина Айгуль Сергеевна — PhD по социальной работе, профессор образовательной программы «Социальная работа», Школа социальных и прикладных наук, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан.

© К.А. Ионова, 2026

**Аннотация:** В статье категория «ұят» (стыд) рассматривается как форма символического насилия в понимании П. Бурдье. Показано, что ұят действует как часть габитуса, который усваивается женщиной с детства и заставляет ее воспринимать подчинение и молчание о насилии как естественные. На основе понятий непризнания, согласия и соучастия описаны механизмы, через которые стыд удерживает пострадавших от обращения за помощью. Обсуждаются ограничения подхода Бурдье и сделаны выводы для практики кризисных центров Казахстана.

**Ключевые слова:** символическое насилие, габитус, П. Бурдье, ұят, бытовое насилие, кризисный центр, социальная работа, Казахстан.

## Введение

Одна из главных трудностей в противодействии бытовому насилию состоит в том, что пострадавшие редко сообщают о нем. По данным национального выборочного обследования, 51% казахстанских женщин, переживших насилие со стороны партнера, никогда никому о нем не рассказывали [1, p. 19]. В исследовании, проведенном в Туркестанской области, стыд назвали барьером для обращения за помощью 46,9% пострадавших, уступив только страху [2].

Обычно нежелание женщин обращаться за помощью объясняют страхом перед агрессором, экономической зависимостью или недоверием к полиции. Эти причины действительно важны, однако стыд имеет иную природу. Его никто не навязывает женщине силой в момент принятия решения - она сама не хочет, чтобы о насилии узнали. Возникает вопрос, почему женщина добровольно защищает порядок, который причиняет ей вред. Для ответа на этот вопрос недостаточно описать барьеры, нужна теория, объясняющая, как подчинение становится внутренним.

Актуальность такого анализа связана и с изменениями в законодательстве. В 2024 году в Казахстане был принят закон, который усилил ответственность за бытовое насилие и расширил механизмы защиты пострадавших [3]. Однако закон действует только тогда, когда женщина готова о насилии заявить. Если препятствие находится внутри самой

пострадавшей, правовые меры его не устраняют. Поэтому для социальной работы важно понимать, как именно стыд удерживает женщину от обращения.

В казахстанском контексте ключевым понятием здесь является «ұят». Исследование С. Ахметовой, Н. Даррани и А. Карабай, основанное на интервью с 12 женщинами, пережившими партнерское насилие, и 12 специалистами, показало, что ұят влияет на то, как пострадавшие воспринимают насилие и как на него реагируют [4]. Тем не менее теоретическое осмысление этой категории в отечественной социальной работе остается слабым.

Цель статьи - рассмотреть категорию «ұят» как форму символического насилия в понимании П. Бурдье и определить, какие выводы из этого следуют для практики кризисных центров. Задачи: раскрыть понятия символического насилия и габитуса; проанализировать ұят через эти понятия; выделить механизмы, удерживающие женщину от обращения за помощью; обсудить ограничения подхода и его практическое значение.

**Материалы и методы**

Статья носит теоретический характер. Использованы методы концептуального анализа, теоретической интерпретации и вторичного анализа опубликованных эмпирических исследований. Теоретической основой послужили работы П. Бурдье о габитусе, символическом насилии и мужском господстве, а также их развитие в феминистских исследованиях. Эмпирическую базу составили данные национального выборочного обследования по насилию в отношении женщин, регионального социологического исследования и качественного исследования, посвященного ұят.

**Результаты и обсуждение**

**Символическое насилие и габитус**

П. Бурдье определял символическое насилие как насилие, которое осуществляется над социальным агентом при его собственном соучастии [5]. В отличие от физического насилия, оно не требует прямого принуждения. Подчиненный принимает существующий порядок как естественный и сам действует в соответствии с ним.

Основой этого механизма является габитус - система устойчивых предрасположенностей, которые человек усваивает в процессе социализации и которые затем работают как «практическое чувство», то есть как способ действовать, не задумываясь о правилах [6]. Габитус не осознается человеком как навязанный извне. Человек воспринимает свои реакции как собственные и единственно возможные.

В работе «Мужское господство» П. Бурдье показал, как этот механизм действует в отношениях между полами. Подчиненные применяют к себе и к миру категории восприятия, созданные с точки зрения господствующих, и поэтому господство кажется им естественным [7]. Иными словами, женщина смотрит на себя глазами того порядка, который ее подчиняет.

**Ұят как элемент габитуса**

Категория «ұят» хорошо вписывается в эту схему. Девочка слышит слово «ұят» с раннего детства - стыдно громко смеяться, стыдно спорить со старшими, стыдно выносить семейные дела на люди. Постепенно эти запреты перестают быть внешними и становятся частью ее собственных реакций. Нормативный образ женщины закреплен и в фольклоре - анализ казахских пословиц и поговорок показывает, что женщина связывается в них прежде всего с материнством, домом и терпением [8].

Когда такая женщина сталкивается с насилием, ей не нужно, чтобы кто-то запрещал ей говорить - запрет уже работает изнутри. Поэтому молчание о насилии нельзя объяснить только страхом или расчетом. Оно выглядит для женщины как правильное поведение порядочной жены, а обращение за помощью - как поступок, нарушающий ее собственное представление о себе.

**Механизмы символического насилия**

С. Тапар-Бьоркерт, Л. Самелиус и Г. Сангера, развивая идеи П. Бурдье, выделили несколько механизмов, через которые символическое насилие воспроизводится в повседневной жизни, в том числе непризнание, а также согласие и соучастие. Авторы

подчеркивают, что символическое насилие незаметно и при этом узаконивает и поддерживает другие формы насилия [9]. Применительно к ұят эти механизмы можно описать следующим образом (таблица 1).

**Таблица 1 - Механизмы символического насилия и их проявление через категорию «ұят»**

| Механизм (по П. Бурдье) | Проявление через ұят | Последствие для обращения за помощью |
|---|---|---|
| Непризнание | Насилие воспринимается как обычная часть брака, терпение - как добродетель | Женщина не считает себя пострадавшей |
| Согласие и соучастие | Женщина скрывает насилие и защищает честь семьи | Отказ от обращения воспринимается как собственный выбор |
| Воспроизводство через старших женщин | Мать и свекровь советуют терпеть ради семьи | Отсутствие поддержки в ближайшем окружении |
| Перенос стыда на жертву | Позором считается не насилие, а огласка | Страх осуждения сильнее страха перед агрессором |

Механизм непризнания проявляется в том, что насилие не распознается как насилие. Если с детства считается, что муж имеет право «поучить» жену, а терпение - признак мудрости, то побои или постоянные унижения воспринимаются как обычная часть семейной жизни. Женщина может не считать себя пострадавшей и поэтому не видеть причин обращаться за помощью.

Механизм согласия и соучастия проявляется в том, что женщина сама охраняет порядок, который ее подавляет. Она скрывает следы побоев, оправдывает мужа перед родственниками и соседями, отговаривает себя от обращения в полицию ради чести семьи. Со стороны это выглядит как свободный выбор, но этот выбор сделан в рамках габитуса, где других вариантов почти не видно.

Третий механизм связан с воспроизводством норм через самих женщин. Часто именно старшие женщины семьи - мать, свекровь, тетя - советуют пострадавшей терпеть. Это согласуется с концепцией «патриархальной сделки» Д. Кандиоти - женщины, получившие статус и влияние в старшем возрасте, заинтересованы в сохранении порядка, в котором этот статус существует [10]. Таким образом, символическое насилие передается от поколения к поколению не только мужчинами, но и женщинами.

Наконец, символическое насилие может воспроизводиться и на уровне учреждений. Те же авторы описывают механизм снисходительности, когда представители власти внешне проявляют внимание к человеку, но при этом закрепляют его подчиненное положение [9]. В ситуации бытового насилия это может проявляться, например, когда специалист в первую очередь говорит женщине о сохранении семьи или о том, что ей следует быть терпеливее. Такие слова не содержат прямого принуждения, но подтверждают ее представление о том, что виновата она сама. Поэтому учреждения, призванные помогать, могут невольно усиливать ұят, если не осознают этого механизма.

**Ограничения подхода**

Теорию П. Бурдье часто критикуют за детерминизм: если подчинение встроено в габитус, остается мало места для сопротивления и изменений. Однако практика показывает, что женщины все же обращаются за помощью, уходят от агрессоров и меняют свою жизнь. Поэтому символическое насилие следует понимать не как полную власть над человеком, а как сильное, но преодолимое давление. Кроме того, ұят нельзя рассматривать только как инструмент подавления. В казахской культуре это понятие выполняет и положительную функцию, регулируя уважение, скромность и ответственность перед другими. Задача поэтому состоит не в том, чтобы отказаться от ұят, а в том, чтобы изменить его направление: стыдно должно быть тому, кто совершает насилие, а не тому, кто от него страдает.

**Выводы для практики кризисных центров**

Рассмотрение ұят как символического насилия позволяет сформулировать несколько выводов для практики.

Во-первых, помощь должна начинаться с осознания. Поскольку символическое насилие действует незаметно, первая задача специалиста - сделать видимым то, что кажется естественным: назвать насилие насилием и показать, что «так у всех» не означает «так должно быть». Это близко к принципу повышения осознанности в феминистской социальной работе, где личные трудности женщины связываются с общественными условиями [11].

Во-вторых, работа со стыдом должна быть направлена на его перенос. Специалисту важно последовательно возвращать ответственность агрессору и опираться на саму категорию ұят, переосмысляя ее, а не отвергая.

В-третьих, работа должна охватывать тех, кто передает нормы. Просветительские программы для старших женщин, родственников и местных сообществ влияют на ту среду, в которой формируется габитус.

В-четвертых, специалистам кризисных центров необходима рефлексия собственного габитуса. Сотрудники выросли в той же культуре и могут неосознанно воспроизводить символическое насилие в своих словах и советах. Супервизия и обучение помогают замечать эти установки.

**Заключение**

Анализ показал, что категорию «ұят» можно рассматривать как форму символического насилия в понимании П. Бурдье. Будучи частью габитуса, стыд заставляет женщину воспринимать подчинение и молчание как естественные и удерживает ее от обращения за помощью без прямого внешнего принуждения. Основными механизмами этого процесса являются непризнание насилия, согласие и соучастие самой женщины, а также передача норм через старших женщин семьи.

Такой взгляд объясняет, почему расширение сети кризисных центров и ужесточение законодательства не всегда приводят к росту обращений. Для изменения ситуации необходима работа на уровне осознания и смысла: распознавание насилия, перенос стыда на агрессора, работа с носителями норм и рефлексия специалистов.

Ограничением исследования является его теоретический характер. Перспективой дальнейшей работы является эмпирическая проверка выделенных механизмов в интервью с женщинами, обратившимися в кризисные центры, и с сотрудниками этих центров.

**Список литературы:**

1. Sample Survey on Violence against Women in Kazakhstan. - Astana : Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, 2017. - URL: https://eca.unwomen.org/sites/default/files/Field%20Office%20ECA/Attachments/Publications/Country/MCO-Kazakhstan/Kazakhstan%20VAW%20reportfinal%20ENGcompressed.pdf (дата обращения: 27.11.2026).

2. Kyrykbayeva S. S. [et al.] Domestic violence as a public health challenge: results of a mass sociological study in Turkistan region // Наука и здравоохранение. - 2025. - Т. 27, № 3. - С. 64-69. - DOI: 10.34689/SH.2025.27.3.007.

3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей : Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2024 года № 72-VIII [Электронный ресурс] // ИПС «Әділет». - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000072 (дата обращения: 27.11.2026).

4. Akhmetova S. Intimate Partner Violence and the Culture of Shame in Kazakhstan: Voices of Survivors and Violence Against Women Professionals / S. Akhmetova, N. Durrani, A. Karabay // Violence Against Women. - 2025. - DOI: 10.1177/10778012251384563.

5. Bourdieu P. An Invitation to Reflexive Sociology / P. Bourdieu, L. J. D. Wacquant. - Chicago : University of Chicago Press, 1992.

6. Бурдье П. Практический смысл. - СПб. : Алетейя, 2001.

7. Bourdieu P. Masculine Domination. - Stanford : Stanford University Press, 2001.

8. Igissinova A. S. Gender Stereotypes in Kazakh Proverbs and Sayings / A. S. Igissinova, G. Raeva, Z. Kulamanova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. - 2024. - Vol. 15, № 2. - P. 376-393.

9. Thapar-Björkert S. Exploring symbolic violence in the everyday: misrecognition, condescension, consent and complicity / S. Thapar-Björkert, L. Samelius, G. S. Sanghera // Feminist Review. - 2016. - Vol. 112, № 1. - P. 144-162.

10. Kandiyoti D. Bargaining with Patriarchy // Gender & Society. - 1988. - Vol. 2, № 3. - P. 274-290.

11. Dominelli L. Feminist Social Work Theory and Practice. - Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2002.

© Central Asian Scientific Journal, 2026 